

Переводы «Слова о полку Игореве» на французский

Борис Орехов (НИУ ВШЭ, ИРЛИ РАН)

Предуведомление

Многие положения этого доклада были сформулированы в совместной работе с М. С. Рыбиной.

Ей же принадлежат переводы из предисловий к переводам.

Перепереводы «Слова»

Особое положение «Слова»

- Более 150 переводов на современный русский язык
- Переводы как минимум на полсотни языков народов мира
- Ног. Сarm I, XI — 47 переводов на русский
- У «Слова» несколько переводов на все европейские языки
- Вацлав Ганка делает два перевода — на чешский и немецкий

La Geste du Prince Igor

Неполный перечень

Французский перевод Н. Бланшара

Французский перевод Ф. де Баргон Фор-Рион

Французский перевод Н. Кульманн и М.-Л.
Беагель

Французский перевод Ф. Супо

Французский перевод А. Грегуара

Французский перевод Ж. Бланкоффа

Французский перевод К. Пигетти

Французский перевод Е. Вольского

Французский перевод Ф. Эйкхоффа

Бланшар

Первый перевод на французский язык был издан в 1823 году в Москве Н. Бланшаром. Это было вольное изложение исходного текста в стихотворной форме.

Переводчик нередко пропускает существенные части оригинала, модифицирует текст так, что в нём исчезают точные лексические эквиваленты.

Выражая полную уверенность, что мы имеем дело с древним текстом, сочинённым современником Игоря, Н. Бланшар пишет в предисловии, что первоначально перевёл его прозой (прозаический перевод не был опубликован), но постепенно увлёкся материалом и создал стихотворный вариант “с большою волнностью”.

Бланшар

Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь
творити, то растѣкашется мыслию по древу,
сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ
подъ облакы

помняшеть бо речь първыхъ временъ
усобицѣ. Тогда пушашеть ѿ соколовъ на стадо
лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь
пояше старому Ярославу, храброму
Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы
касожьскими, красному Романови
Святъславличю.

Quand ce barde voulait célébrer les héros.

Son esprit inspiré l'élevait sur les flots,

Le portait comme un aigle au-dessus des
nuages,

Ou comme un faible oiseau parmi de verts
bocages

Бланшар

Переводчик подчёркивает сходство слога и песен Оссиана и говорит об особенных трудностях, с которыми было сопряжено создание стихотворного переложения.

Изданный в России, перевод Бланшара остался практически неизвестен во Франции и на дальнейшую историю рецепции «Слова» влияния не оказал.

Igor, poème h eroique / traduit du russe ... par N. Blanchard. M.: ВЪ типографіи Августа Семена, 1823.

Эйхофф

Eichhoff F. G. Histoire de la langue et de la littérature des slaves, russes, serbes, bohêmes, polonais. Paris, 1839. P. 191—193, 296—319, 349—355

Встроен в обзор славянских литератур

де Баргон Фор-Рион

Следующий по времени перевод (уже прозаический) вышел в Париже в 1878 году и принадлежал Франсуа де Баргону Фор-Риону.

Не останавливаясь специально на принципах перевода, автор в предисловии констатирует лишь его “точность” (“dont nous donnons la traduction fidèle”) и подчёркивает, что оригинал также представляет собой прозаический текст:

“Хотя и написанная прозой, поэма “Слово о полку Игореве”, очевидно, предназначалась для песенного исполнения, подобно нашим древним жестам или псалмам и другим отрывкам славянской литературы, но представляется затруднительным определить её ритм”.

де Баргон Фор-Рион

Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь
творити, то растѣкашется мыслию по древу,
сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ
подъ облакы,

помняшеть бо речь пѣрвыхъ временъ
усобицѣ. Тогда пушашеть ѿ соколовъ на стадо
лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь
пояше старому Ярославу, храброму
Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пѣлки
касожьскими, красному Романови
Святъславличю.

Boïan le barde, quand il composait un chant
guerrier, laissait d'abord s'élançer ses pensées à
travers les bois, comme le loup fauve au milieu
de la plaine, comme l'aigle gris dans l'éther.

Rêvait-il à quelque guerre des temps passés? Il
lançait dix éperviers contre une troupe de
cygnes, et le premier qui saisissait une proie
entonnait le premier chant de victoire, soit sur
Iaroslav le vieux, soit sur Mistislaw le brave, qui
renversa Rededia en présence des troupes
Kazoskes, soit encore sur le beau Roman
Sviatoslavitch.

де Баргон Фор-Рион

На переводческую стратегию косвенно указывает то, с чем де Баргон Фор-Рион сравнивает текст в предисловии. Помимо аналогии с *chansons de geste*, переводчик указывает и на сходство с тональностью гомеровского эпоса (*l'accent homérique*), которая, на его взгляд, странно сочетается с “восточной цветистостью слога” (*allure orientale fort curieuse*).

Таким образом, древнерусский текст реконструируется согласно представлениям переводчика о “славянском Гомере”, соединяющем патриархальную простоту и цельность с восточной избыточностью.

Не входя на сегодняшний день в число авторитетных, перевод остаётся одним из наиболее известных, особенно учитывая его доступность в том числе и на электронных ресурсах Wikisource, *L'antiquité grecque et latine du moyen âge* и др.

Н. Кульманн и М.-Л. Беагель

В 1937 году в Париже был издан совместный перевод Н. Кульманна и М.-Л. Беагель.

Николай Карлович Кульманн (1870—1940), с 1923 г. профессор русской литературы на историко-филологическом отделении Сорбонны, в 1930 году участвовал в работе К. Бальмонта над его переложением СПИ, а позже подготовил свой перевод, имевший репутацию “академического” (на него, к примеру, ссылается в своих работах А. Мазон).

Н. Кульманн и М.-Л. Беагель

Он, Баян, певец тот вещий,|Коль кому
восхочет песни, белкой он течет по древу,|По
земле он серым волком и орлом под облак
сизым.

Вспомнит быль времен тех первых, об
усобицах сказанья,|Соколов пускает десять к
лебединой стае белой,|Чуть домчится первый
сокол, лебедь первая закричит, –|И певучим
словом песни Ярослав проходит старый,|И в
певучем слове песни восстает Мстислав тот
храбрый,|Он, зарезавший Редедю пред
косожскими полками,|И Роман тот
Святославич, в песне он красиволикий.

Car Boïan, l'enchanteur, lorsqu'il voulait
composer un chant en l'honneur d'un héros, s'
élançait comme un écureuil dans un arbre,
comme un loup gris sur la terre, comme un aigle
bleu-noir sous les nues.

Evoquait-il des querelles d'antan, il lançait alors
dix faucons sur un vol de cygnes et le premier
cygne capturé chantait le premier Iaroslav le
Vieil, Mstislav le Brave, qui égorgea Rededia
devant les bandes des Kassogs, ou Roman le
Bel, fils de Sviatoslav.

Грегуар

В 1948 году свой перевод издал Анри Грегуар, единомышленник Р. О. Якобсона, которому русский филолог посвятил чувствительную юбилейную статью *Henri Gregoire: investigateur de l'épopée* // Jakobson R. *Selected Writings*. V. IV. *Slavic Epic Studies*. The Hague, Paris, 1966. P. 101—105

218 фрагментов, «партия Якобсона»

Позднейшие переводы

Ж. Бланкофф Blankoff J. Le Dit de la campagne d'Igor, fils de Sviatoslav, petit-fils d'Oleg. Une énigme littéraire du XIIe siècle // Revues marginales. 1968. T. 122. P. 1—24

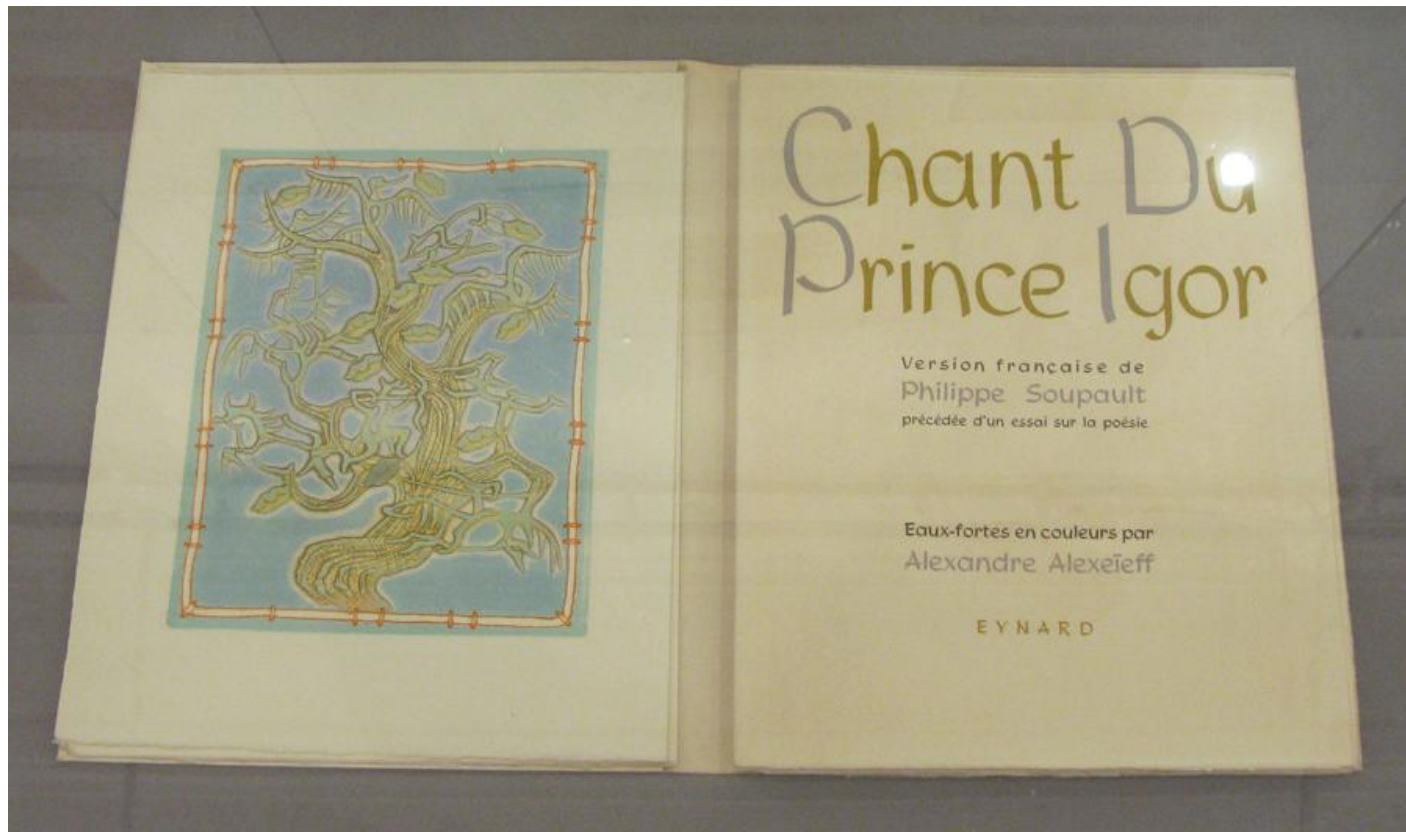
Е. Вольский La geste du prince Igor : [poème russe du XIIe siècle] / texte établi, trad. et commenté par Eugène Volsky. Montpellier, 2002.

К. Пигетти La Geste du Prince Igor / traduit par Christiane Pighetti. Paris: Minos, 2005.

Самый интригующий перевод

«Переводы “Слова о полку Игореве”, принадлежащие крупнейшим поэтам — Юлиану Тувиму на польский язык, Райнеру Марии Рильке на немецкий, швейцарскому поэту Филиппу Супо на французский, Людмилу Стоянову на болгарский, — сделали “Слово” широко популярным и любимым за пределами нашей страны»

Лихачев Д. С. Великое наследие // Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Том 2. Л.: Худож. лит., 1987. С.226

Soupault Ph. Chansons. Rolle: Eynard, 1949.

Экземпляр № 68 экспонируется в Музее книги Российской государственной библиотеки, он представляет собой несшитые плотные листы бумаги sur Arches формата 230x290 mm., страницы с офортами проложены папиросной бумагой. Листы не обрезаны. Перевод отпечатан декоративным шрифтом, на странице помещено приблизительно двадцать строк. Внизу листа стилизованной кириллицей дан древнерусский текст.

Алексеев и Супо

С. Рокуэлл: «Я помню, что работа была идеей отца. Он рассказал издателю Энару о своей увлечённости этой легендой. Энар сказал: “Прекрасно, действуй!”, после чего Алексеев обратился к своему другу Супо, которому рассказал об этой древней повести».

Личное письмо Светланы Рокуэлл от 28 октября 2011 г. (оригинал по-английски).

n CE TEMPS
Sviatoslav fit un rêve
un rêve troublant

Рослаго злата намываша Тѣ Игоря Князь выскдѣ изъ сѣдла злата а въ сѣдло Коурино
сѣвши ко градуомъ заирамъ а вѣснѣи поинчи П Святаслава мѣтинъ сонъ вадѣ въ Кияѣ 31
на горахъ си ноца съ вѣчери шѣбѣхуть ма рѣчи чрѣною наволокою на крокаты тисовѣ
Чрънѣхуть жи сини кино съ трѣдомъ свѣшню сыпѣхутьми тѣршии тѣми поганыхъ талкоенихъ

CHANT DU PRINCE IGOR

maintenant nous ne pouvons plus
rêver dans nos rêves
à nos chers compagnons
ni penser à eux dans nos pensées
ni les voir de nos yeux

названѣхъ рѣкъ Жижи Рѣска въспланишася зрѣчи оржи нѣмъ сѣнѣхъ шнѣмъ вадѣ 27
ни мыслѣи смыслѣти ни дѣломъ сдѣлати ни очима съглядѣти а злата и сѣрѣа ни вѣло
того пострѣлати П вѣстѣна ко братѣ Кияхъ тѣгомъ а Чумигѣхъ нѣпастѣми тоска разпѣшѣи по
Рѣскай вѣман пѣчѣла жорна тѣчи сѣрѣа вѣман Рѣскай а Князи сами на сѣчи крамоуа кокагѣ а

«Именно мой отец посчитал, что будет корректнее обозначить Супо в качестве переводчика, тогда как последний не знал ни слова по-русски. Мы отпраздновали выход книги в Париже в русском ресторане “Кок д’Ор” (“Золотой петушок”), которого больше нет. Там мой отец произнёс речь. За столом было человек 20, в том числе и швейцарский издатель Энар. В этой речи мой отец сказал: “Мой духовный переводчик” (Mon traducteur spirituel!). Все рассмеялись после этого милого замечания, поскольку знали что именно внёс Супо в перевод как поэт: он создал соус, впрочем прелестный, смешав образы, которые ему предложил отец и переложив их на французский поэтический язык»

Личное письмо Светланы Рокуэлл от 5 декабря 2012 г. (оригинал по-французски).

Высокие отношения с сюрреализмом

Имя Супо ассоциируется с ранним этапом сюрреалистического движения, он известен как соавтор первой книги «автоматического письма».

Однако уже через два года после издания “Первого манифеста” состоялось «отлучение» Супо от группы.

Поэтическое дарование Супо характеризуют как тяготеющее скорее к романтической, чем к сюрреалистической эстетике, что косвенно подтверждает и Бретон

Высокие отношения с сюрреализмом

«От группы отдаляется Супо: став членом редакционного комитета “Европейского обозрения” (Revue européenne), он вновь обращается к изначально близкому ему творчеству в духе Аполлинера (который и познакомил его с Бретоном) <...> трагическое восприятие мира и современности у Супо действительно имеет уже мало общего с поисками сюрреалистов. С присущим ему великодушием Супо неизменно выказывает по отношению к Бретону самое искреннее восхищение, однако тот <...> публикует в “Литературе” (новая серия, № 10, май 1923) на месте статьи о Супо четыре пустые страницы, упомянув лишь одной строчкой эпитафия о совместном авторстве “Магнитных полей” — что, однако, не мешает ему позже признать лирическое дарование Супо и поместить на страницах той же “Литературы” (№ 7, июнь 1926) его стихотворение “Не ветер ли?”»

Шенье-Жандрон Ж. Сюрреализм. М.: НЛО, 2002. С. 73.

Высокие отношения с сюрреализмом

Биография Супо воспроизводит романтическую модель жизнестроительства. Одним из эпизодов его остросюжетного жизненного пути будет неясная история о побеге из заключения в алжирской тюрьме. Причины своего разрыва с группой сюрреалистов Супо объясняет свойственной ему особой любовью к свободе, тягой к перемене мест и ироничным отношением к официозу, оказавшимися в противоречии с регламентированностью и авторитарным стилем Бретона.

Сохранилось множество анекдотов о Супо, свидетельствующих, что его экстравагантное (даже для бывших дадаистов) поведение было намеренным стиранием границ между «искусством и неискусством».

Высокие отношения с сюрреализмом

Однако «поэты, порывавшие с А. Бретоном, не обязательно до конца порывали с сюрреалистической поэтикой» (Пинковский В. И. Поэзия французского сюрреализма: проблема жанра. Магадан, 2009. С. 13.). И Супо это касается в первую очередь: «Исключённый из группы в 1926 Супо останется неисправимым сюрреалистом» (Mallart M. Les chansons de Philippe Soupault: forme poétique ou mode d'écriture? // *Anales de Filologia Francesa*, n. 17, 2009. P. 228.).

С. Рокуэлл вспоминает, что в конце войны (за пять лет до издания «*La Chant du Prince Igor*») в её обществе в доме У. Х. Одена в Филадельфии Супо вылил горячий чай на голову служанке, заметив у той на голове лысину, которую женщина не слишком удачно пыталась замаскировать париком. Разъярённый У. Х. Оден выгнал его со словами: «Сюрреализм был хорош в Париже, но не здесь!»

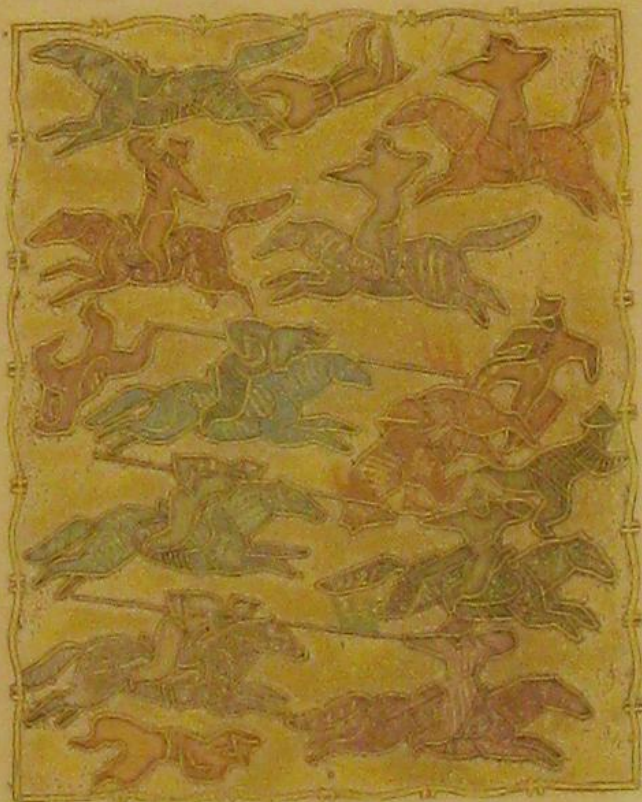
Зачем Супо «Слово»?

Скорее всего, Супо был заинтригован фактическим отсутствием у «Слово» собственной творческой судьбы во Франции. Репутация памятника в академических кругах и сложившийся вокруг него к тому моменту в учёной среде ряд проблем лежали в совершенно иной идеологической плоскости, чем собственно литературная жизнь. Таким образом, перед Супо стояла перспектива быть поэтическим первооткрывателем экзотического текста. История с публикацией Лотреамона, в которой Супо принимал самое активное участие, показывает, что амбиции подобного рода ему были не чужды. Кроме того, очевидно, что «Слово» обладало и некоторыми другими специальными свойствами, интересовавшими и Супо, и его соратников по сюрреалистическому движению.

Зачем «Слово» сюрреалистам?

Общеизвестно, что сюрреализму свойствен интерес к фольклорным и мифопоэтическим текстам. Примером этого может служить антология «Зеркало чудесного» Пьера Мабия (1946, 1962), в которой собраны древнеегипетские, древнегерманские эпические тексты, эпос о Гильгамеше, «Калевала».

А. Алексеев (который был знаком с художниками-сюрреалистами и в чём-то даже им близок, но никогда не входил в их группу) примерно в то же время, когда он занимается подготовкой ролльского издания, интересуется шаманизмом (эта тема предсказуемо увлекала и Ф. Супо) и древними сибирскими петроглифами, которые повлияли на стилистику его иллюстраций

CHANT DU PRINCE IGOR

elles chantent le temps des Bousses
elles exaltent la vengeance de Charokagne
et nous ceux de ta drougina
nous sommes assoiffés
de joie

злато слово славами смѣшино и рече о мѣхъ сыновчъ Игорю и Виколоду рано еста начаа
Половциево зимаю мѣхи цѣлѣити а сѣкъ славы нескати Нѣ ничѣсто шдоѣсти ничѣсто
во кровѣ поганѣхъ пролѣсти Каю хоробрихъ срдца въ жестоцихъ харалѣихъ скована а въ двѣсти
закалина Се ли створѣсти мой ерирѣий сѣдникъ П оуки не видѣдъ каести смалѣго и погатаго

«Essai sur la poésie»

В качестве предисловия к ролльскому изданию Слова Супо помещает статью «Essai sur la poésie» ('Эссе о поэзии'). Несмотря на то, что Супо не любит переизданий своих сочинений, «Essai...» воспроизведено ещё как минимум однажды в томе избранных произведений «Poèmes retrouvées (1918—1981). Essai sur la poésie» 1982-го года, однако с выпущенным фрагментом, касающимся рассуждений Супо о «Слове».

Сам Супо объясняет это редкостью ролльского издания и тем, что фокусирование внимания на переводе «Слово» лишает эссе масштабности суждений. Поводом для размышлений Супо о природе поэзии стало именно «Слово» и работа по его переводу.

В «Essai...» Супо обращается к нескольким основным вопросам: природа поэзии, соотношение поэзии и поэтического языка, возможность перевода сновидческих образов. Большой фрагмент эссе посвящён практике автоматического письма 20-х годов, *l'homme rêveur*.

Супо рассуждает о «Слове» и сюрреализме в пределах одного эссе. С одной стороны, это ещё одно подтверждение тому, что и к 1950 году поэт не расстался с сюрреализмом окончательно. С другой стороны, сюрреализм и Слово в чём-то кажутся поэту соприсродными явлениями.

Ответ Мазону

Quelques lecteurs que le doute du verbe n'atteint pas s'étonneront sans doute, que cette version soit volontairement écrite dans une langue contemporaine, et ne soit jamais «ornée» d'archaïsmes qui auraient évoqué l'époque de la première publication du CHANT DU PRINCE IGOR. Faut-il rappeler à ces critiques que les érudits n'ont pas réussi à se mettre d'accord sur les dates de conception et de rédaction du «Chant». Certains même, poussés par le démon de l'érudition, n'ont voulu y voir qu'une sorte de jeu littéraire ou un divertissement de philologues. On ne note que pour mémoire ces discussions. Elles n'ont pu naître que parce que l'on possède seulement des copies du manuscrit primitif. (p. XII)

Некоторых читателей, которые привыкли доверять словам, вероятно, удивит, что наш перевод умышленно выполнен современным языком, а не «украшен» архаизмами, которые воссоздали бы эпоху Первого издания. Надо ли напоминать этим критикам, что специалистам-эрудитам так и не удалось прийти к согласию ни по вопросу о времени создания, ни по поводу редакций «Слова». Некоторые из них, одержимые **«демоном учёности»**, пожелали увидеть здесь лишь литературную игру и филологический дивертисмент.

Мы позволили себе напомнить об этих дискуссиях, которые возникли только потому, что сохранились лишь копии древней рукописи.

Книга Мазона была отпечатана в 1940 году, но дошла до читателя только после освобождения Франции от немецкой оккупации, поэтому можно утверждать, что работа не утратила актуальности и во второй половине сороковых годов, то есть в интересующий нас период, непосредственно предшествующий работе Супо над переводом Слова.

При традиционно узкой специализации французских филологов А. Мазон был достаточно разносторонним учёным, чтобы его можно было охарактеризовать как одержимого демоном эрудиции (*poussés par le démon de l'érudition*): кроме вопросов подлинности Слова, Мазон также занимался публикацией «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева и изучал русский язык пореволюционного времени.

Car Boyan le Devin, voulait-il a quelqu'un faire sa chanson, lors, par la pensée, il s'élançait tantôt par les arbres, tantôt, pareil au loup gris, sur la terre, et, tantôt, semblable a l'aigle bleu, sous les nuées.

Car, a ce qu'il nous conte, il se remembrait les luttes du temps jadis, et du coup lâchait dix faucons sur un vol de cygnes; et le premier cygne happé de chanter son chant!

car Boïane l'enchanteurllorsqu'il voulait chanterlen l'honneur d'un hommellançait son chantljustqu'à la cime de l'Arbrele'était un loup gris sur la plainelun aigle bleu et noir sous les nuages

S'il rappelait les débatsldes premiers tempslrâchait-il des fauconslsur une troupe de cygneslpour que le premier attaintlchantât en l'honneurlde Yaroslav le Vieillou de Mstislav le Bravelcelui qui étrangla Rédédialsur le front des troupes cassoguelou de Roman le Belle fils de Sviatoslav

fauson

Он разрушает метафору, исключая числительное 10, тем самым предпринятая автором СПИ стилизация старой манеры из перевода исчезает, что снимает вопрос о выборе стиля. По всей видимости, в рецепции переводчика в данном случае возникает иное концептуальное поле, прежде всего обусловленное системой координат французской культуры.

Начиная со Средневековья концепт fauson является узловым компонентом текста охоты, которая предстаёт важным ритуалом рыцарского быта. Культурный код соколиной охоты подразумевает два приоритетных варианта интерпретации. Первое прочтение восходит к *chanson de geste*, другое возникает позже внутри куртуазной культуры, но генетически связано с эпической традицией. По всей видимости, культурный код соколиной охоты оказался для Супо самодостаточным и выступил заместителем исходного концептуального ряда в древнерусском тексте.

CHANT DU PRINCE IGOR

vous êtes les faucons à six ailes
d'une nichée célèbre
ce n'est pas par chance
que vous avez conquis le pouvoir
où sont vos casques d'or

46 славъ дѣдъ своихъ Беслава а самъ подъ чръными щиты на кровахъ трахѣ притрепанъ
Литовскими мѣчи И съоти ю на кровахъ и рѣкъ довѣшиа твою Книжи птица крылы
прѣдѣ а вѣтри крокъ ползаша Не вѣсь тѣ братъ Браччслага ни дѣбѣго Биселеда единъ жи
нѣрени жмчюжиа дѣши нѣхъ драбра тѣла чрѣъ злато шжрѣли Жиыли голеси поничи вєслѣ